

Научная статья

УДК 111.1

DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-2-158-180

Виртуальная реальность, искусственный интеллект и контекстуальный реализм *

Игорь Евгеньевич Прись

Институт философии Национальной академии наук Республики Беларусь
Минск, Беларусь
frigpr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1721-6388>

Аннотация

Мы напоминаем о различии между видимостью и реальностью, о том, что существуют различные виды реальности, которые не надо смешивать, и делаем различие между миром и реальностью. Против интернализма мы утверждаем, что «внутреннее» – «снаружи». Мы также утверждаем, что искусственный интеллект не может превзойти человеческий интеллект. Мы ссылаемся на некоторых современных философов – так называемых «новых реалистов», зачастую чтобы их покритиковать, что они не настоящие реалисты, и призываем к контекстуальному реализму.

Ключевые слова

мир, внешний мир, картина мира, реальность, видимость, виртуальная реальность, сознание, искусственный интеллект, реализм, антиреализм, «новые реализмы», контекстуальный реализм

Благодарности

Исследование выполнено при частичной поддержке гранта БРФФИ № Г20-026 «Эпистемология сначала-знания и контекстуальный реализм»

Для цитирования

Прись И. Е. Виртуальная реальность, искусственный интеллект и контекстуальный реализм // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 2. С. 158–180. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-2-158-180

* Статья представляет собой развернутую версию доклада «Мир как образ и виртуальная реальность», представленного на IV Международной конференции «Проектирование будущего и горизонты цифровой реальности» (г. Москва, Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации, 4–5 февраля 2021 г.), а также онлайн на французском языке: «La réalité virtuelle, l'intelligence artificielle et le réalisme contextuel» 8 мая 2021 г. на семинаре по новому реализму (рук. Ж. Бенуа) в Университете Париж 1 Пантеон-Сорбонна.

Virtual Reality, Artificial Intelligence, and Contextual Realism

Igor E. Pris

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus
frigpr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1721-6388>

Abstract

We recall the distinction between appearance and reality, that there are different kinds of reality which we should not confuse, and make a distinction between the world and reality. Against internalism, we argue that the inside is outside. We also argue that artificial intelligence cannot surpass human intelligence. We refer to some contemporary philosophers, the “new realists”, often criticizing them for not being true realists, and call for a contextual realism.

Keywords

world, exterior world, picture of the world, reality, appearance, virtual reality, consciousness, artificial intelligence, realism, anti-realism, “new realisms”, contextual realism

Acknowledgements

The reported study was partially funded by BRFFR according to the research project no. Г20-026 “Knowledge-first epistemology and contextual realism”

For citation

Pris I. E. Virtual Reality, Artificial Intelligence, and Contextual Realism. *Siberian Journal of Philosophy*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 158–180. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-2-158-180

В статье рассматривается эволюция философских представлений о мире (реальности) и критикуется антиреализм модерна, постмодерна и некоторых «новых реализмов» XXI века (нейтральный реализм Маркуса Габриеля, спекулятивный материализм Квентина Мейясу) с точки зрения контекстуального реализма Жослена Бенуа, проводится различие между миром и реальностью. Репрезентационализм модерна выродился в конструктивизм постмодерна. На смену классической картине мира пришло представление о том, что нет различия между видимостью (субъективным) и реальностью. В эпоху информационных технологий и интернета сама субъективность превратилась в новую реальность зарегистрированной «документальности» в смысле Маурицио Феррариса. Однако различие между видимостью и реальностью, а также различие между интенциональным (концептуальным, смыслом) и реальным – это фундаментальные различия, которые следует принимать во внимание. В то же время мы утверждаем, что то, что реально с одной точки зрения (в одном контексте, по отношению к одной норме), может оказаться видимостью в другом контексте и наоборот.

Существуют также различные виды реальности, которые не надо смешивать. Реальность эволюционирует. Возникают новые виды реальности: информационная и виртуальная реальности, медийная реальность, реальность больших данных. При этом сам концепт реальности не изменился, а только обогатился. Смешение категорий идеального и реального и, в частности, проекция моделей на реальность за пределами их применимости (смещение физики и метафизики) приводит к антиреалистическим представлениям о мире, сознании и интеллекте, таким, например, как представление о мире как компьютере, информационная интерпретация квантовой механики, нейрофизикализм, трансгуманизм, представления о кибернетическом боге и другим. Мы отвергаем эти представления и, в частности, утверждаем, что искусственный интеллект не может превзойти интеллект человека. Новые тенденции в развитии науки вписываются в философский взгляд контекстуального реализма. Последний мы также сближаем с радикально экстерналистской эпистемологией сначала-знания Т. Уильямсона. Философский взгляд человека на мир, на реальность вовсе не нейтрален. Он имеет практические следствия. Подлинно реалистическая позиция необходима также и для решения глобальных проблем, которые стоят перед человечеством. Критический, терапевтический, контекстуальный реализм – это подлинный реализм.

1. Модерн, постмодерн, «новые реализмы»

В современном мире образы играют важную роль. Их распространяют телевидение, СМИ, реклама, интернет. Философы говорят о «господстве образов» и даже о том, что наш мир стал миром образов. Это можно понимать в том смысле, что образы представляют мир (реальность), несут информацию о нём – истинную или ложную, и, следовательно, постольку, поскольку мы ограничиваемся лишь восприятием образов, так сказать, располагаемся внутри образов, мы, вообще говоря, имеем ложное представление о мире (реальности). В этом смысле мир как образ – фальсификация внешнего по отношению к образам мира.

Утверждение, что мир – мир образов, можно понимать в более радикальном смысле, а именно в том смысле, что за образами не стоит никакой реальности, мир образов и есть сама реальность, что концепт реальности устарел, не имеет смысла. Эта точка зрения разделяет, на наш взгляд, предпосылки с (некоторой) феноменологией, первичным понятием которой является понятие явления / феномена: явление в феноменологии и есть данность чистой видимости. В терминах феноменологии мир образов – это мир видимости. От концепта реальности отказывается и постмодернизм, ставящий под сомнение то, что за пределами

наших представлений существует реальный мир. Постмодернизм – предельный случай философии модерна, её вырождение.

Модерн избобрёл понятия субъекта, объекта и представления. Как следствие, возникло представление о «картине мира», которая есть представление внешнего мира, располагающегося напротив субъекта. Для модерна мир отождествляется с картиной мира. В антиреалистическом постмодерне второй половины XX века уже картина мира отождествляется с миром. Точнее говоря, возникает калейдоскоп равноправных и меняющихся картин мира, точек зрения, перспектив. Для постмодерна характерны предельный субъективизм, конструктивизм, релятивизм, культурализм, господство мнения, а не истины.

Реализм модерна – это реализм мира, внешнего по отношению к субъекту и его внутреннему миру. Такой реализм – обратная сторона субъективистского идеализма модерна, принимающего существование автономной субъективности, пытающейся получить доступ к внешнему по отношению к ней миру при помощи представления. Между субъектом и миром как бы располагается перцептивная вуаль, которую требуется преодолеть. (В этом смысле можно сказать, что человек с точки зрения модерна на самом деле живёт в виртуальной реальности.) Если эпистемический картезианский скептицизм ставил под вопрос возможность преодоления перцептивной вуали и познания внешнего мира, то в рамках кантизма под сомнение ставится осмысленность самой задачи познания самих вещей. Вещи в себе располагаются, если употребить модный сейчас термин, за пределами субъект-объектной корреляции и непостижимы.

Впрочем, один из так называемых «новых реализмов» XXI века – спекулятивный реализм французского философа Квентина Мейясу – попытался, так сказать, насильственным образом преодолеть корреляцию, то есть кантизм, критические пределы, которые последний устанавливает познанию, так называемую конечность человеческого познания, тем самым, заметим, принимая кантианскую парадигму всерьёз, и получить доступ к Абсолюту. На самом деле это, скорее, выглядит как возврат к докантовской метафизике.

2. Контекстуальный реализм

Предпочтительней, на наш взгляд, витгенштейновская (в широком смысле) позиция, которую отстаиваем мы, и контекстуальный реализм французского философа Жослена Бенуа. Эта позиция полностью выходит из парадигмы модерна и, в частности, кантианской парадигмы. Вместо трансцендентальных условий для представления объекта он обращается к условиям *эффективности* (от слова «эффект») представления, т. е. к условиям его реального употребления в контексте – в рамках той или иной языковой игры, регулируемой нормами,

применяемыми к реальности и, так сказать, измеряющими её, идентифицирующими то, что есть. Сами эти нормы вырабатываются в реальности, укоренены в ней, имеют реальные условия своего существования и применения. В отличие от реальности, они, однако, относятся к категории идеального. Это различие между категориями идеального и реального (в той или иной форме) делает и старый реализм, но его не делают «новые реализмы», в частности, реализм Мейясу и «нейтральный реализм» популярного немецкого философа Маркуса Габриеля.

Мы полагаем, что с точки зрения контекстуального реализма «внешний мир» философии модерна – это не реальность как таковая, а, мы бы сказали, концептуализированная, объективированная часть реальности – устоявшаяся область познания и практики. Это мир объектов, на которые возможны различные точки зрения со стороны, – перспективы – каждая из которых как бы ограничивает полный к ним доступ. Реальное для модерна – это то, что представляемо или даже представленное. Представление истинно или ложно. Реальное, таким образом, отождествляется с истинным, реальность с истиной. Реальность как таковая, как то, что просто есть, что является таковым, какое оно есть, реальность как первичное понятие, которое не зависит от понятия истины, во внимание не принимается. Другими словами, реализм оказывается чисто эпистемическим, не делается категориального различия между истиной и реальностью. Постмодерн, как уже было сказано, вообще, по сути, отрицает концепт реальности.

На самом деле концепт реальности первичен. Он не устарел, радикально не изменился (быть может, только обогатился, приобрёл дополнительное содержание). Этот концепт имеет следующий вид: реальность такова, какова она есть («*reality is just what it is*» [Benoist, 2014, p. 22]). Реальность не исчезла, поскольку она не может исчезнуть, хотя можно говорить о том, что возникли новые виды реальности, в частности, информационная, цифровая и виртуальная. Мир эволюционирует. При этом реальность – это то, что предшествует нашей интенции, нашим проектам, превосходит их и вносит вклад в их формирование. Это то, если употребить слова Ж. Бенуа, что сначала под нашими ногами и за нашей спиной, прежде чем быть напротив нас, как это предполагал модерн.

3. Образ (видимость) и реальность

С точки зрения контекстуального реализма невозможно оторваться от реальности и быть «внутри образа», как этого требует постмодернистская идеология образа. Мир не может быть миром образов, видимостей, поскольку образ не первичен, не автономен, а возможен лишь в реальности, которая его превосхо-

дит, в которой он укоренён и которая его питает. Образ имеет реальные условия своего существования и играет реальную роль. Образ не прозрачен. Невозможно понять подлинный (реальный) смысл образа (а не его поверхностный смысл – тот, который нам немедленно навязывает образ), исходя из него самого, если мы заключаем самих себя внутри образа, относимся к образу наивно, некритически. Феноменология предполагала, что это возможно; она утверждала истину и реальность чистой видимости. Для неё явление показывает само себя. Поэтому не может быть видимости видимости; видимость видимости – сама видимость. Согласно контекстуальному реализму, нам следует вернуться к классическому метафизическому различию между реальностью и видимостью (и, соответственно, не смешивать реальное и интенциональное, реальность и смысл, реальность и мысль), которое принимает старый реализм и которое не только постмодернизм и некоторая феноменология, но и некоторые «новые реализмы» XXI века, например, уже упомянутый нейтральный реализм М. Габриеля, не признают.

Для реализма Габриеля первичным является концепт существования (в «смысловых полях», которые он ещё называет «контекстами»), а не концепт реальности. Для него всё существует, кроме мира как тотальности всего существующего. Всё существует в своих смысловых полях, в том числе и воображаемые объекты, такие как Красная шапочка, Фауст или единорог. Это «антиметафизическая» суперлиберальная онтология: если постмодерн принимал мир образов, представления за реальность, то для Габриеля, наоборот, то, что существует, и в этом смысле реально, несёт в самом себе все свои образы, смыслы, представления, точки зрения, перспективы. Как отмечает Ж. Бенуа, такая реальность является фундаментально, внутренне образной. Реализм Габриеля он называет «реверсивным (англ. *reversal*) антиреализмом постмодерна» [Benoist, 2020a, p. 182]).

4. Мир, «внешний мир» и реальность

С Габриелем, однако, можно согласиться в том, что мир не существует, если под миром понимать реальность. Реальность – не объект. Это не то, что может существовать или не существовать. Мир как реальность не существует в категориальном смысле. Но об исчезновении мира можно говорить и в других смыслах. Об этом говорят философы, учёные, политики.

Больше не существует мира в смысле «картины мира» модерна. Также не существует мира в том смысле, в котором мир понимали древние греки: мир как «космос», то есть мир как порядок, разделённая общая гармония, – то, что противостоит хаосу. Французский астрофизик и философ А. Баро считает, что эпидемия коронавируса обнажила отсутствие мира в том смысле, что исчезла даже

сама идея мира как космоса. Действительный мир оказался искусственным карточным домиком. Этому исчезновению, считает он, способствовала продуктивистская и потребительская идеология глобализации. Российский политик и журналист А. Пушков считает, что «“золотой век” человечества, судя по всему, позади». Для Ж. Бенуа современный глобализированный «мир» вовсе не мир, а его отсутствие. Причина в том, что Запад присвоил себе мир¹. И действительно, неравенство, кризисы, войны, терроризм, уничтожение культур, природы, возникновение глобальных проблем, ставящих под угрозу существование человечества, – следствие неолиберальной глобализации, униформизации и так называемой «демократизации», навязываемой Западом всему миру. Как говорил о Западе французский философ Жерар Гранель, это «мир, который принимает себя за единственно возможный мир» (цит. по: [Thomas-Fogiel, 2019]).

Сама реальность, конечно, не исчезла, потому что реальность не может исчезнуть. Она такова, какова она есть. И будет какая-то другая реальность. Другими словами, строго говоря, следует различать понятия мира и реальности. Мы под «миром» понимаем концептуализированную часть реальности – «форму жизни», имеющую свою нормативную и концептуальную структуру и включающую в себя витгенштейновские языковые игры её применения. Мир как форма жизни – область устоявшихся нормативных практик и знания.

Что касается понятия «внешнего мира», возникшего в философии модерна, то оно может ввести в заблуждение и требует своей переинтерпретации. Итальянский философ М. Феррарис, например, интерпретирует «внешний мир» как мир, внешний по отношению к концептуальной схеме (а не внутреннему миру человека). На наш взгляд, лучше заменить это понятие понятием «реальность». Между концептуальной схемой и реальностью, к которой она применяется, имеется «логический провал», или категориальное различие – различие между идеальным и реальным. Это тот же самый провал, который имеется между витгенштейновским правилом (нормой) и реальностью, к которой она применяется – провал между правилом и языковой игрой, которой оно управляет. Для нас структура витгенштейновской проблемы следования правилу – структура контекстуального реализма [Прись, 2020a]².

¹ В отличие от Габриеля Бенуа не отказывается от самой идеи мира. Он говорит: «Идея мира имеет свои преимущества. Она полезна. (...) Сконструировать мир имеет высокую цену. Обойтись без идеи мира имеет, быть может, цену ещё более высокую» [Benoist, 2021].

² Эта структура инстанцируется в разных областях философии. Трудная проблема (феноменального сознания) в философии сознания, проблема Гетье в эпистемологии, проблема измерения в философии квантовой механики, проблема неполноты в математике (Гёдель) имеют ту же структуру, что и контекстуальный реализм.

5. Интернет и виртуальная реальность

Выше мы отнесли образы к видимости в смысле их нереальности, субъективности представления. Однако образы, видимость можно рассматривать и как нечто реальное, как часть реальности или расширенной реальности, но не в смысле упомянутого выше подхода Габриеля, а в смысле подлинного реализма.

Прежде чем объяснить это, заметим, что, по аналогии со спорным тезисом, что наш мир стал миром образов, можно также сказать, что наш мир XXI века стал миром интернета, виртуальной в широком смысле реальностью (это особенно актуально в период пандемии коронавируса: виртуальными стали музеи, театры, университеты и так далее). Заменяет ли интернет собой мир? Представляет ли он мир, информирует ли он нас о мире? Конечно, это один из его аспектов. Но в целом нельзя сказать, что интернет, Всемирная паутина, играет роль представления, даёт картину мира. Тем более нельзя сказать, что интернет – это и есть сам мир, так как интернет возможен лишь в реальности, в которой он существует и которая его превосходит, которая не может быть редуцирована к интернету. Эта реальность играет по отношению к нему роль «внешнего мира».

Но почему нельзя сказать, что интернет представляет мир? Здесь я сошлюсь на «большое онтологическое открытие», «...как об этом говорит Ж. Бенуа, “нового реалиста” – Маурицио Феррариса». Бенуа излагает это открытие так: «Интернет, в сущности, не пространство представления мира. (...) В гораздо большей мере, чем пространство представления, интернет в общем случае – пространство регистрации, где осуществляются и регистрируются акты» [Benoist, 2020a, p. 185]. «Быть зарегистрированным – не означает быть представленным. Это означает оставить след, который сам по себе не обязательно представление и как таковой может быть реактивирован, приводя к выполнению процесса – след прошлого перформанса, делающий возможным новый перформанс» [Ibid., p. 186]. Эта идея развивается Феррарисом в рамках его социальной онтологии документальности (речь идёт о документах, которые производит общество, в частности, документах, которые хранятся в архивах).

Интернет – не представление «старой» реальности, а игра с ней, её расширение, новая реальность – мир неограниченной реализации субъективности. С этой точки зрения, на наш взгляд, это не воплощение платоновской «комбинации форм», не логическое пространство, полностью и исключительно управляемое логическими законами, как это полагает Габриель [Gabriel, 2020, p. 255]. В то же время эта виртуальная реальность не автономна, не может существовать, как я уже сказал, без более фундаментальной реальности, в которую она погружена, которая служит для неё контекстом. То есть «новая реальность» не устраняет старую реальность, а предполагает её. Например, покупка, совершённая

в интернете, имеет реальные следствия. Виртуальная реальность в узком смысле – видеоигры, имитация при помощи технических средств трехмерной реальности (образов, ощущений и действий) – имеет более узкий контекст. В частности, виртуальные действия не имеют тех последствий, которые имеют реальные действия. Быть может в смысле субъективного восприятия хорошо сделанная виртуальная реальность и не отличается от реальной реальности, тем не менее, она никогда не сможет заменить её. Для нас важно, что мы делаем в более широком контексте. Есть отличие между реальным действием и виртуальным, между реальным опытом, который мы испытываем в музее, рассматривая картину, когда она предстаёт перед нами во всей своей материальности, и рассматриванием образа этой картины на экране нашего компьютера. Это отличие устанавливается именно благодаря контексту, т. е. условиям осуществления и последствиям. Виртуально я могу делать, что хочу, конструировать свой собственный мир, но это не будет иметь последствий, которые бы мои действия имели в реальном мире. Внутреннее, субъективное, если это не иллюзия, не существует само по себе; оно, на самом деле, вовне³.

6. Медийная реальность

Сказанное во многом относится не только к интернету, но и к СМИ, к политическому дискурсу. Иногда говорят о наступившей эпохе постправды. На самом деле, конечно, истина и концепт истины никуда не исчезли, так же как не исчезли реальность и концепт реальности [Haack, 2019]. Человечество, однако, как считает британский философ Дункан Притчард, сталкивается с огромной эпистемической проблемой: социальные медиа берут под контроль нашу жизнь, манипулируют нами, распространяют фейки и дипфейки. Поставлена под вопрос наша способность отличать истину от лжи, участвовать в дебатах. Технология также меняет способ нашего мышления, способ нашей аргументации, наши отношения друг с другом. Дебаты в интернете, в социальных сетях, даже если в них участвуют интеллектуалы, не рациональны [Прись, 2020d].

Представляют опасность нейромедиа – специфический вид расширенного познания, когда технологии становятся настолько интегрированными в когнитивные процессы, что они становятся частью последних, внутренними. Люди могут не осознавать, что на их мыслительную деятельность оказывают влияние технологии. Это проблема потери автономии: мы думаем, что это мы думаем, тогда как, на самом деле, за нас думает интегрированное в нашу когнитивную систему электронное устройство. Тот же Д. Притчард считает, что выход в том,

³ Бенуа пишет: «Быть реалистическим (...), но по-новому, неотделимо от технического развития и эволюции наших обществ, означает понять, что *внутреннее вовне*» [Benoist, 2020a, p. 187].

чтобы культивировать интеллектуальные добродетели в аристотелевском смысле (в первую очередь жажда истины). Это чисто гносеологическая позиция. Позиция контекстуального реализма подразумевает её, так как, на наш взгляд, способствует культивированию интеллектуальных и моральных добродетелей, и к тому же принимает во внимание онтологическое измерение рассматриваемых проблем [Прись, 2020b].

Что касается фейкньюс, то, с одной стороны, это не реальные, так сказать, новости, а «фальшивые новости», предназначенные ввести в заблуждение, т. е. имитация. Поэтому борьба с ними – это не борьба с информацией, свободой слова. С другой стороны, фейкньюс – виртуальная реальность, с которой надо считаться, которая производит реальные эффекты. Необходимо поэтому своевременное их разоблачение. При этом на общественном уровне борьбой с фейками должно заниматься государство, а не частные компании типа «Google», «Facebook» и так далее. Мы согласны с Д. Притчардом, что в случае неблагоприятной эпистемической среды необходим не только «вертикальный» анализ структуры новостей (фейкньюс могут быть очень правдоподобными), но и горизонтальный анализ – анализ мотиваций источника информации или дезинформации, скажем так, реалистический анализ в более широком контексте. Это требует специфической квалификации подобно тому, как специфической квалификации требует выявление фальшивых денег [Pritchard, 2021]. Быть может, например, врачи бундесвера, немецкие политики и журналисты – профессионалы высокого класса и честные люди. Но мы бы поступили нерационально, если бы не проанализировали более тщательно, чем обычно, поступающую от них информацию, поскольку горизонтальные эпистемические условия не удовлетворяются: у них есть все мотивации, чтобы ввести нас в заблуждение.

Постмодернисты Ролан Барт, Жак Деррида и другие указывали на то, что медиа не представляют реальность в виде фактов. Но у постмодернистов, как я уже сказал, была проблема с концептом реальности. Ещё раньше СМИ критиковали Карл Краус и Вальтер Беньямин. В частности, они считали, что медиа – инструмент власти [Kang, 2014]. Наше время подтверждает их вывод. СМИ, а также интернет – «Google», «Facebook», «Youtube», «Twitter» и так далее становятся инструментом политической борьбы.

7. Реальная и виртуальная реальности.

Видимость видимости

Если мы имеем дело с виртуальной реальностью, то неверно говорить о «господстве образов», так как сами образы, субъективное, то, что относилось к субъективности представления, идеальному, а не реальному, стало объективной ре-

гистрацией, реальным. Это «следы», которые могут быть использованы тем или иным образом, играть ту или иную реальную роль. Таким образом, в дополнение к метафизическому различию между видимостью и реальностью, следует принять различие в самой реальности – между, так сказать, реальной реальностью и виртуальной реальностью, которая тоже реальна, но имеет другую природу. Это не постмодернистское отождествление мира образов с миром (реальностью), а понимание, каким образом сам статус образов, видимости, представления может измениться, и они сами могут стать реальностью (не в феноменологическом смысле автономной видимости).

На самом деле в противоречии с тем, что утверждает феноменология, существует видимость видимости. Платон пренебрежительно относился к искусству потому, что считал, что оно имитирует реальность, создаёт видимость. Это верно лишь для некоторых произведений искусства. Некоторые современные произведения искусства, наоборот, имитируют видимость, создают видимость видимости, которая, таким образом, не есть видимость чего-то, а его реальность – особый вид его реальности. Например, можно по-настоящему танцевать, а можно лишь делать вид, что танцуешь. Второе по отношению к первому – лишь видимость, имитация танца, иллюзия (в этом смысле иллюзорны тени на стене платоновской пещеры). Но сам по себе перформанс имитации реален, в этом смысле видимость реальна, в этом смысле тени на стене платоновской пещеры реальны, реальны оптические иллюзии, то есть непосредственно воспринимаемое, до своей концептуализации как иллюзий. С другой стороны, можно также танцевать таким образом, что в результате концептуализации создаётся видимость, что это лишь видимость. Иногда реальность (реальный перформанс), я бы сказал, как бы фальсифицирует себя, одевается в одежды видимости, чтобы тем надёжнее избежать своей действительной фальсификации. Если утверждение «Она делает вид, что она делает вид, что она танцует» истинно, значит она действительно танцует, но её перформанс таков, что он может создать иллюзию, что она только делает вид, что она танцует. Раз утверждение «Она делает вид, что танцует» ложно, значит, видимость не транспарентна (в общем случае видимость видимости не видимость), как это утверждала феноменология.

Новые виды реальности возникают в результате открытия новых способов употребления уже известных видов реальности, первичного материала. Их создают (открывают) не философы, а артисты, музыканты, художники, поэты, математики, физики.

8. Нейрофизикализм и трансгуманизм

М. Феррарис полагает, что техника и интернет не могут существовать без человека, который ими пользуется. Но подлинность цифровой и технической реальности (они тесно взаимосвязаны) означает, что мы не всегда можем контролировать и управлять ею, что она не всегда отвечает нашим запросам. Техника, искусственный интеллект, интернет могут формировать наши запросы, в автоматическом режиме способствовать достижению чьих-то целей, сами не имея целей. Нельзя гарантировать, что техника не будет использована во зло. Искусственный интеллект может создать человеку проблемы и даже поставить под угрозу само существование человечества. Например, суперкомпьютер – пока что гипотетический – может оказаться способным проанализировать те данные, которые мы оставляем на интернете и прийти к выводу что человечество стремится к саморазрушению и даже помочь ему в этом (это пример М. Габриеля. Он пишет: «Реальная опасность – человек, так как интернет имеет лишь те структуры, которыми мы его наделяем» [Gabriel, 2020, p. 255]).

Трансгуманизм утверждает, что в принципе интеллект компьютера может превзойти интеллект человека (он, очевидно, превосходит его для решения некоторых ограниченных и хорошо определённых задач).

В 1965 г. британский математик Ирвинг Джон Гуд (работал с Аланом Тьюрингом) выдвинул идею сингулярности, которую недавно развили австралийский философ Дэвид Чалмерс [Chalmers, 2010] и шведский философ Ник Бостром [Bostrom, 2014]. Гуд писал: «Определим сверхумную машину как такую машину, которая может значительно превзойти все интеллектуальные активности сколь угодно умного человека. Поскольку проектирование машин – одна из этих интеллектуальных активностей, сверхинтеллект сможет спроектировать ещё лучшие машины; в результате неизбежно произойдёт “интеллектуальный взрыв”, и интеллект человека окажется далеко позади. Поэтому первая сверхумная машина – последнее изобретение, в котором у человека когда-либо есть нужда» [Good, 1965]. Это рассуждение основано на предположении, что искусственный интеллект способен превзойти интеллект человека. Если бы это случилось, по отношению к кибербогу мы бы оказались в той же ситуации, в которой по отношению к нам находятся животные: мы не смогли бы им управлять и даже его понимать.

Чалмерс не исключает возможность сингулярности и рассматривает четыре варианта места человека в трансгуманистическом мире: уничтожение, изоляция, неполноценность, интеграция. Поэтому он призывает встраивать в машины подходящие ценности и создавать первые машины искусственного интеллекта в виртуальном мире. В то же время можно поставить под сомнение принци-

альную возможность существования сверхумной машины, рациональность которой превосходила бы рациональность человека. Трансгуманистический мир Чалмерса напоминает наш реальный мир. Это антропоморфный взгляд, проектирующий характеристики человека на совсем другой вид реальности.

Маркус Габриель, например, отвергает возможность сингулярности на том основании, что в отличие от человека, у компьютера нет духа (нем. *Geist*), он не может рефлексировать. Интеллект компьютера, так сказать, первого порядка – он относится к механическому выполнению логических операций, выполнению программы, алгоритма. Габриель считает, что «размышлять о мысли – наивысший предел ума» [Gabriel, 2020, p. 254]. Размышляя о своей мысли, вырабатывая логическое рассуждение, человек, как считали Парменид, Платон и Аристотель, возвышается до божественного. Во всяком случае можно согласиться с тем, что трансгуманизм основан на ложных метафизических предпосылках нашей информационной эпохи. Они возникают в результате незаконного распространения науки на ту область, в которой она неприменима или пока что неприменима. Какие-то частные достижения, модели переносятся, проецируются на мир, реальность как таковую. Это общее явление. Если, например, современный материализм, вдохновляющийся достижениями нейронауки, утверждает, что человек – это мозг, совокупность нейронов, что, конечно, не так (моё сознание не редуцируется к нейрологическим процессам в моём мозге), то трансгуманизм утверждает, что человек – это программа, которая может быть реализована и на другом материале. Компьютерный бог был бы просто очень мощной, тем или иным образом реализованной программой, созданной после момента сингулярности.

На наш взгляд, трансгуманизм – это относится и к нейрофизикализму – форма идеализма, смешивающего категории реального и идеального, о которых я упомянул выше. Программа – идеальна. В этом смысле любой запрограммированный компьютер относится к категории идеального, а не реального (материал, из которого он сделал, конечно, реален). Искусственный интеллект не только не может иметь духа в смысле *Geist* («дух» можно трактовать как нормативность; компьютер же выполняет операции механически), но и вообще сознания. Например, он не может воспринимать окружающую действительность в том смысле, в котором её воспринимает человек.

С точки зрения реализма, который мы принимаем, мы сами часть реальности, и наш непосредственный перцептивный опыт просто часть реальности – между ним и реальностью нет никакой дистанции (это не перцептивная вуаль модерна). Наше знание – контакт с самими вещами, так сказать, «внешним миром». Это ментальное состояние в экстерналистском смысле. Согласно Т. Уильямсону,

«фундаментальным для сознания является не пучок (*bunch*) монадических качественных свойств, составляющих внутренний мир, а сеть отношений между агентом и средой. (...) Суть сознания в том, чтобы включить мир. Знание и действие вовсе не затемняют природу сознания, внося в него примеси из внешней среды, а напротив, они наиболее полное выражение сознания» [Williamson, 2017, pp. 179–180]⁴. Поэтому оно и не чисто нейробиологический процесс внутри черепной коробки, и также поэтому искусственный интеллект ничего не может знать о реальности.

Также и М. Феррарис считает, что нет смысла говорить о том, что искусственный интеллект может превзойти человеческий интеллект. С ним во многом согласен и Ж. Бенуа. Это два разных вида интеллекта. В отличие от человека, искусственный интеллект не имеет планов, проектов, не чувствителен к контексту. Американские философы Джон Сёрл и Нед Блок также указывали, что у машины никогда не будет ментальности: сознания, понимания, интенциональности. Можно добавить, что в отличие от машины, человек непредсказуем, обладает свободой воли. Это если речь вести о машинах, изначально программируемых человеком. Но можно вообразить некие другие роботоподобные существа.

В 2002 г. Нед Блок сформулировал и проанализировал, как он её назвал, «более трудную проблему философии сознания» (БТП). Это вопрос о наличии феноменального сознания у воображаемого существа – *Командор Дэйта* (КД), – которое функционально организовано так же, как человек, но существенно отличается от него по своей физической конституции. Согласно аргументации Блока в связи с КД, возникают эпистемические трудности, которые и составляют БТП. Мы не приводим точную формулировку проблемы, которая очень абстрактна, но суть в том, что мы не можем применить ту науку, которая имеется в нашем распоряжении, к изучению КД и установить, обладает ли КД сознанием, поскольку КД слишком отличен от нас. И мы не можем развить применимую к КД науку, поскольку это невозможно без знания того, обладает ли КД сознанием. (Таким образом, мы имеем дело с логическим кругом.) Блок пишет: «Я не отрицаю, что однажды вопрос о наличии у существа подобного КД феноменального сознания станет эмпирически проверяемым. Но очевидно, что в настоящее время у нас нет концепции, каким образом это могло бы быть проверено» [Block, 2002, p. 406]. Ответ на вопрос о сознании КД недоступен и метанедоступен

⁴ Отметим, что Уильямсон негативно относится к квиетизму Витгенштейна или, скорее, к некоторым последователям и интерпретаторам Витгенштейна. Тем не менее, мы полагаем, что витгенштейновский контекстуальный реализм совместим с эпистемологией «сначала-знания» Уильямсона и даже может рассматриваться в качестве его метафизической основы.

(недоступность: у нас нет соответствующих концептов; метанедоступность: у нас даже нет идеи, о каком типе концептов может идти речь). Эта проблема имеет отношение к вопросу о применимости концептов. Вне контекста реальной конфронтации с рассматриваемым объектом вопрос может быть *нерешаем* в том смысле, что *a priori* мы не можем знать смысл, в котором следовало бы его решать [Benoist, 2010, p. 182]. Например, – обратимся к анализу Бенуа, который заимствует пример Чарльза Трэвиса с летающей свиньёй – вопрос о том, были ли бы мы правы, если бы назвали «летающую свинью» «свиньёй» *нерешаем*. Бенуа пишет: «Не в том смысле, что мы бы ещё не знали, идёт ли речь о свинье или нет, а в том, что *a priori* мы не можем знать смысл, в котором следовало бы это знать» [Ibid., p. 182].

Таким образом, согласно контекстуальному реализму, быть может, ответ на вопрос о том, могут ли отличные от людей существа в принципе обладать сознанием и высшим интеллектом, не столь очевиден, требует апостериорного, а не чисто априорного подхода.

9. Физика и метафизика

Когда наука и, в частности, физика переступает пределы своей применимости, она превращается в метафизику и начинает оперировать образами, а не реальностью, даже если при этом употребляется строгий математический формализм.

Сходная с трансгуманизмом идеология лежит в основе представления о природе (вселенной) как огромном компьютере или программе. Это опять же метафизика, смешивающая реальность наших моделей с природной реальностью. В современной физике и, в частности, в рамках некоторых информационных интерпретаций квантовой механики, есть идея, что информация – фундаментальная характеристика вселенной. (Аналогичным образом Галилей – учёный Нового времени – считал, что книга природы написана на языке математики). Например, австрийский физик Антон Цайлингер принимает в качестве фундаментального (*foundational*) концептуального принципа квантовой механики информационный принцип, что элементарная физическая система является носителем одного бита информации, или же, эквивалентным образом, принцип, что элементарная физическая система описывается одним (истинным) предложением⁵.

⁵ Цайлингер, например, делает следующее различие между классическим и квантовым подходами: «Тогда как в классическом мировоззрении реальность, вместе со всеми своими свойствами, – первичный концепт, предшествующий наблюдению и независимый от него, в эмерджентной точке зрения квантовой механики понятия реальности и информации на равной ноге» [Zeilinger, 1999,

На самом деле с А. Цайлингером можно согласиться, когда он пишет, что «в физике мы не можем говорить о реальности независимо от того, что может быть сказано о реальности» [Zeilinger, 1999, p. 642], но только в том случае, если эту формулу понимать не в смысле лингвистического идеализма или корреляционизма, о котором мы уже упоминали, а как тавтологию: мы действительно не можем говорить о реальности, если мы не можем о ней говорить, т. е. если мы не применяем подходящие средства для её идентификации (это логический или терапевтический взгляд контекстуального реализма)⁶. На наш взгляд, позицию Цайлингера можно и нужно поставить с головы на ноги. В этом случае легко показать, что фундаментальным принципом квантовой физики является принцип контекстуальности или принцип контекстуального реализма – не в том смысле, что контекстуальность некоторым образом специфицирует или ограничивает реализм, а в том, что подлинный реализм не может не быть контекстуальным. В этом смысле, как мы утверждали в одной из наших статей, социальная реальность – «квантовая» реальность, потому что она контекстуальна [Pris, 2020c]. Контекстуальный реализм устраняет унаследованный от модерна дуализм, провал между естественными и гуманитарными науками, в известном смысле объединяя их и позволяя им дополнить друг друга. Он также устраняет провал между аналитической и континентальной философией, который существовал именно потому, что и та, и другая содержали в себе существенные элементы антиреализма и идеализма.

р. 642]. Посылка неверна. Концепт реальности однозначен; он один и тот же для любой области науки: «реальность *просто такова, какова она есть*» [Benoist, 2014, p. 22]. По определению она не может быть «на равной ноге» с информацией, которая, если её понимать как знание, относится к категории идеального (информация – знание «о реальности», а не (особая) часть реальности).

⁶ Аналогичным образом Ж. Бенуа пишет: «(...) Кажется, антикорреляционизм иногда хочет забыть, что мы *мыслим* вещи, которые мы мыслим. (...) Как если бы, некоторым образом, существовал способ мыслить бытие, не мысля его» [Benoist, 2018, p. 21]. Отметим, что форма обновлённого корреляционизма – «последовательный» и «радикальный» корреляционизм, – в частности, в философии физики, отстаивается Мишелем Битболом [Bitbol, 2019] (см. также: [Thomas-Fogiel, 2019]). Но мы полагаем, что эта версия может быть переинтерпретирована в терминах контекстуального реализма. Сам Битболь говорит, что он защищает промежуточную позицию между реализмом и антиреализмом. (На самом деле он защищает также свою версию трансцендентальной философии – переинтерпретированную (нео)кантианскую позицию [Thomas-Fogiel, 2019], и он не пренебрегает поздним Витгенштейном. Складывается впечатление, что он осциллирует между Кантом и Витгенштейном. Во всяком случае его интерпретация квантовой механики и его видение феноменального сознания могут быть (пере)интерпретированы с точки зрения контекстуального реализма.) Битболь также защищает своё понимание феноменологии. В отличие от позиции Битболя, контекстуальный реализм полностью входит из кантианской и феноменологической парадигм.

10. Неоэкзистенциализм

С точки зрения функционирующей математизированной науки – это относится и к информационному подходу Цайлингера – в идеалистических проекциях моделей на реальность, быть может, нет ничего плохого, так как наука, собственно говоря, интересуется не столько реальностью как таковой, сколько истиной. Фундаментальной нормой науки, например физики, является истина. Но с философской точки зрения, как нам кажется, это неудовлетворительно. Поэтому и продолжаются уже почти сто лет споры относительно интерпретации квантовой механики.

Если мы отвергаем нейроматериализм (нейрофизикализм) и трансгуманизм, то какая позиция является правильной? Как отмечает М. Габриель, существует много частных антропологий. Вообще философская позиция, принимаемые метафизические предпосылки в конечном итоге имеют практическое значение. Нейроматериалист, трансгуманист или человек, верующий в бессмертие души, по-разному живут в этом мире⁷.

Габриель предлагает неоэкзистенциализм. (Это также аргумент против искусственного интеллекта.) Последний рассматривает все частные антропологии как имеющие между собой нечто общее, ищет «то, что все человеческие существа имеют между собой общего как человеческие существа» вместо того, чтобы вести нескончаемые войны между различными антропологиями первого порядка [Gabriel, 2020, p. 248]. Человек свободен в выборе своей антропологии – ответа на вопрос, что и кто он есть. Неоэкзистенциализм – гуманизм, признающий, что природа человека не редуцируема к чему-то другому и не может быть заменена чем-то другим. Именно поэтому человек не может быть превзойдён ни суперкомпьютером, ни неземным существом, ни богом.

Антиредукционизм также аспект контекстуального реализма. Кроме того, контекстуальный реализм имеет моральное измерение. Он принимает следующий лозунг: «Будьте реалистами: требуйте невозможное!» [Benoist, 2017, p. 342]. Искусственный интеллект не может требовать невозможного.

⁷ Другой пример. В своей статье Т. Уильямсон показывает, что абстрактные эпистемологические теории – эпистемические релятивизм, скептицизм и интернализм – имеют неприемлемые практические следствия. При этом Уильямсон констатирует структурное сходство между ними: все они являются симметричными позициями в том смысле, что все они приписывают одинаковый когнитивный статус оппонентам в эпистемологической дискуссии [Williamson, 2019]. В терминах контекстуального реализма мы бы сказали, что это структурное сходство – следствие того, что каждая из упомянутых позиций допускает ту или иную абсолютизацию, то есть деконтекстуализацию. К тому же контекстуальный реализм принимает во внимание практические следствия. Бенуа пишет: «Реализм *также*, непосредственно, вопрос морали» [Benoist, 2017, p. 342, note 1].

11. Будущее науки

Математическая физика и эксперимент возникли как наука модерна. Эта наука принципиально отличается от науки (*episteme*) древних греков и науки (*doctrina* или *Scientia*) средневековья. М. Хайдеггер выявил её метафизические основания как метафизические основания модерна. В своей работе «Время картины мира» (1938) он пишет: «Природа и история становятся предметом объясняющего представления. (...). До науки как исследования дело доходит впервые тогда и только тогда, когда истина превращается в достоверность представления. (...) Основной процесс Нового времени – покорение мира как картины. Слово «картина» означает теперь: конструкт опредмечивающего представления. Человек борется здесь за позицию такого сущего, которое всему сущему задает меру и предписывает норму» [Хайдеггер, 1993, с. 52]. Для Хайдеггера определяющей характеристикой модерна является репрезентационализм [Hernandez, 2010].

Как нам кажется, современная наука, в частности квантовая физика, то есть неклассическая наука (в России говорят ещё и о пост-неклассической науке, к которой относят, например, синергетику), по крайней мере частично, в тех или иных аспектах вышла из парадигмы науки модерна. Частично она всё ещё располагается в этой парадигме, т. е. парадигме математической физики. Быть может, в будущем возникнет новый вид науки – в парадигме контекстуального реализма.

Во всяком случае одна из новых тенденций в развитии научного знания, которую недавно обозначили философы науки, характеризуется как знание, «направляемое данными» или, скорее, «центрированное на данных» – эмпирических данных и, в частности, «больших данных», производимых благодаря современной вычислительной технике [Leonelli, 2016]. Это другой подход, чем тот, что существовал во времена до цифровой революции. Сабина Леонелли пишет: «Мы являемся свидетелями (...) появления подхода к науке, центрированного на данных, в рамках которого усилия по мобилизации, интеграции и визуализации данных оцениваются как самостоятельно вносящие вклад в открытие, а не просто побочные продукты создания и тестирования научных теорий» [Ibid., pp. 1–2].

Со своей стороны, французский философ науки Мишель Битболь призывает отвергнуть западную философскую традицию, согласно которой «сами вещи», их подлинная глубинная суть, познаваемые наукой, скрываются за поверхностной и обманчивой видимостью явлений. Квантовая механика вступает в противоречие с этой традицией и лучше всего может быть понята в рамках постклассической концепции научного знания как формализованного знания – как отвергающей дуализм субъекта и объекта познания и репрезентационализм [Bitbol,

2020]. На наш взгляд, оба подхода вписываются в рамки нашего реализма, отрицающего существование predetermined реальности объектов, их свойств и отношений между ними и принимающий во внимание контекстуальность познания и онтологии [Прись, 2020a].

На самом деле есть разница между миром как реальностью и миром науки. Наши теории вторичны, идеальны, имеют ограниченную область применимости, объясняют лишь то, что они объясняют. Реальность же бесконечна и неисчерпаема. Она такова, какова она есть⁸. Это справедливо для любой реальности: природной, социальной, технической, цифровой и так далее. Но это не значит, что мы просто сталкиваемся с «внешней» по отношению к нам реальностью (например, природными катастрофами), как это полагал дуалистический физикалистский натурализм модерна. Дуализм природы и мысли (теории, концептуальных схем) преодолевается контекстуальным реализмом. Подлинные мысли, теории и концепты укоренены в реальности, имеют реальные условия своего существования. Мы ответственны за познание реальности и за то, каким образом и что мы познаём, за то, чтобы правильно действовать в реальности в соответствии с нашим знанием.

12. Глобальные проблемы и контекстуальный реализм

Перед человечеством стоят глобальные проблемы, угрожающие самому его существованию. Возросла угроза ядерной войны. Экологическая катастрофа уже наступила: Аурелиан Баро говорит о первой в истории человечества сознательной тотальной и массивной экстерминации человеком животного мира на Земле [Barrau, 2020]. Климатические изменения. Эпидемии. Нехватка ресурсов. Проблема неравенства. Моральные проблемы, которые ставит перед человеком научно-технический прогресс. Но проблема также в том, что какие бы катастрофические изменения ни происходили, мы не извлекаем уроки.

Чтобы избежать катастрофы, нам нужна подлинно реалистическая позиция не только в философии, но и в обыденной жизни, политике. Философский взгляд на мир, реальность, человека вовсе не нейтрален. Он имеет практические следствия. Антиреализм и идеализм, релятивизм и догматизм, скептицизм и нигилизм не способствуют познанию истины, культивированию интеллектуальных и моральных добродетелей, развитию демократии. Это ложные философские позиции.

И в заключение два слова о демократии. Очевидно, что подлинная демократия, которую мы хотим, – это не просто способ управления, информирования,

⁸ «Реальность всегда лишь то, что она есть, и о чём нет смысла спрашивать априори, истинна она или ложна» [Benoist, 2021].

не просто выборная система и так далее. Подлинная демократия основана на ценностях: права человека, свобода и равенство. Её врагами, мы согласны с Габриелем, являются скептицизм, релятивизм и нигилизм. Правильно понятый реализм как раз и противостоит скептицизму, релятивизму и нигилизму. Это не реализм «внешнего мира», который лишь изнанка идеализма модерна, не постмодернистское отождествление реальности с конструкцией, не феноменологический реализм автономных видимостей/явлений, не нейтральный реализм Габриеля, вводящий ультралиберальную онтологию, не спекулятивный реализм Мейясу, пытающийся познать Абсолют – кантовскую вещь в себе, не семантический реализм аналитической философии, делающий из смысла и мысли самодостаточную область, отделённую от реальности («государство в государстве» или даже государство вне государства («*“einen Staat im Staate” (oder schlimmer: einen Staat außerhalb des Staates)*» [Benoist, 2016])), не метафизический реализм, возвращающий нас в результате так называемого «метафизического поворота», произошедшего в конце XX века в аналитической философии, к докантовой метафизике. Это критический, терапевтический, контекстуальный реализм.

Список литературы

- Прись И. Е. Контекстуальность онтологии и современная физика. СПб.: Алетейя, 2020а.
- Прись И. Е. Разумный релятивизм, эпистемология добродетелей и контекстуальный реализм // Философия науки. 2020b. Т. 86, № 3. С. 15–48.
- Прись И. Е. Социальная реальность – «квантовая» реальность // Диалог. 2020с. № 2. С. 8–11.
- Прись И. Е. Достижения и актуальные проблемы современной аналитической эпистемологии. Интервью с Дунканом Притчардом // Сибирский философский журнал. 2020d. Т. 18, № 4. С. 153–166.
- Прись И. Е. Эмпирические данные без теоретической нагрузки // Филос. исслед. (Минск). 2021. № 8. С. 76–88.
- Хайдеггер М. Время картины мира. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 41–62.
- Barrau A. Le plus grand défi de l'histoire de l'humanité. Michel Lafon, 2019.
- Benoist J. Concepts. Paris, Les éditions CERF, 2010.
- Benoist J. D'un sensible l'Autre. Société Française de Philosophie. Le 20 mars 2021.
- Benoist J. Obectivité sans perspective. *Rivista di Filosofia Neo-Scolastica*, 2020b, CXII, 3.
- Benoist J. Realismus und Metaphysik. In: Kolloquium des Philosophischen Instituts der Rheinischen Friedrich Wilhelms-Universität Bonn. 9. Juni 2016.

- Benoist J.** Reality. *Meta: Research in hermeneutics, phenomenology, and practical philosophy special issue*, 2014, pp. 21–27.
- Benoist J.** The World as a Picture and as Reality. In: Rojas A. (ed.). *New Realism in the World Picture Age*. Madrid, Apeiron Ediciones, 2020a, pp. 171–187.
- Benoist J.** De l'apparence à l'écho. URL: <https://www.pantheonsorbonne.fr/evenements/lecho-reel/>.
- Bitbol M.** A phenomenological ontology for physics: Merleau-Ponty and QBism. In: Wiltche H. A., Berghofer P. (eds.). *Phenomenological approaches to physics*. Springer, 2020, pp. 227–242.
- Bitbol M.** Maintenant la finitude. Peut-on penser l'absolu? Paris, Flammarion, 2019.
- Block N.** The Harder Problem of Consciousness. *Journal of Philosophy*, 2002, vol. XCIX, no. 8, pp. 391–425.
- Bostrom N.** Superintelligence: Paths, dangers, strategies. Oxford UP, 2014.
- Chalmers D.** The Singularity: A Philosophical Analysis. *The Journal of Consciousness Studies*, 2010, vol. 17, pp. 17–65.
- Ferraris M.** Il mondo esterno. Milan, Bompiani, 2001.
- Frankfurt H. G.** On Bullshit. Princeton, Princeton UP, 2005.
- Gabriel M.** Propos réalistes. Paris, Vrin, 2020, pp. 233–256.
- Good I. J.** Speculations concerning the first ultraintelligent machine. In: Alt F., Rubinoff M. (eds.). *Advances in Computers*, 1965, vol. 6, p. 31.
- Haack S.** Post “Post-Truth”: Are We There Yet? *Theoria*, 2019, vol. 85, pp. 258–275.
- Heidegger M.** The Age of the World Picture [Vremya kartiny mira]. In: Heidegger M. *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [On Time and Being]. Moscow, Respublika, 1993. (in Russ.)
- Hernandez M.** L'essence de la modernité selon Heidegger: la représentation. URL: <https://journals.openedition.org/appareil/972>
- Kang J.** Walter Benjamin and the Media. *Polity*, 2014.
- Leonelli S.** Data-Centric Biology: A Philosophical Study. Chicago, Uni. of Chicago Press, 2016.
- Pritchard D.** Good News, Bad News, Fake News. In: Bernecker S., Flowerre A., Grundman T. (eds.). *The Epistemology of Fake News*. Oxford UP, 2021.
- Thomas-Fogiel I.** Un monde pour nous ou un monde pour personne? Corrélationisme et réalisme Recension du livre de M. Bitbol: Maintenant la finitude, Peut-on Penser l'Absolu? Paris, Flammarion, 2019.
- Williamson T.** Acting on Knowledge. In: Carter J. A., Gordon E., Jarvis B. (eds.). *Knowledge-First*. Oxford UP, 2017, pp. 163–181.
- Williamson T.** Morally loaded cases in philosophy. *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, 2019, vol. 93, pp. 159–172.

Zeilinger A. A. A foundational principle for quantum mechanics. *Foundations of physics*, 1999, vol. 29, no. 4, pp. 631–643.

References

- Barrau A.** Le plus grand défi de l'histoire de l'humanité. Michel Lafon, 2019.
- Benoist J.** Concepts. Paris, Les éditions CERF, 2010.
- Benoist J.** D'un sensible l'Autre. Société Française de Philosophie. Le 20 mars 2021.
- Benoist J.** Obectivité sans perspective. *Rivista di Filosofia Neo-Scolastica*, 2020b, CXII, 3.
- Benoist J.** Realismus und Metaphysik. In: Kolloquium des Philosophischen Instituts der Rheinischen Friedrich Wilhelms-Universität Bonn. 9. Juni 2016.
- Benoist J.** Reality. *Meta: Research in hermeneutics, phenomenology, and practical philosophy special issue*, 2014, pp. 21–27.
- Benoist J.** The World as a Picture and as Reality. In: Rojas A. (ed.). *New Realism in the World Picture Age*. Madrid, Apeiron Ediciones, 2020a, pp. 171–187.
- Benoist J.** De l'apparence à l'écho. URL: <https://www.pantheonsorbonne.fr/evenements/lecho-reel/>.
- Bitbol M.** A phenomenological ontology for physics: Merleau-Ponty and QBism. In: Wiltche H. A., Berghofer P. (eds.). *Phenomenological approaches to physics*. Springer, 2020, pp. 227–242.
- Bitbol M.** Maintenant la finitude. Peut-on penser l'absolu? Paris, Flammarion, 2019.
- Block N.** The Harder Problem of Consciousness. *Journal of Philosophy*, 2002, vol. XCIX, no. 8, pp. 391–425.
- Bostrom N.** Superintelligence: Paths, dangers, strategies. Oxford UP, 2014.
- Chalmers D.** The Singularity: A Philosophical Analysis. *The Journal of Consciousness Studies*, 2010, vol. 17, pp. 17–65.
- Ferraris M.** Il mondo esterno. Milan, Bompiani, 2001.
- Frankfurt H. G.** On Bullshit. Princeton, Princeton UP, 2005.
- Gabriel M.** Propos réalistes. Paris, Vrin, 2020, pp. 233–256.
- Good I. J.** Speculations concerning the first ultraintelligent machine. In: Alt F., Rubinoff M. (eds.). *Advances in Computers*, 1965, vol. 6, p. 31.
- Haack S.** Post “Post-Truth”: Are We There Yet? *Theoria*, 2019, vol. 85, pp. 258–275.
- Heidegger M.** The Age of the World Picture [Vremya kartiny mira]. In: Heidegger M. *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [On Time and Being]. Moscow, Respublika, 1993. (in Russ.)
- Hernandez M.** L'essence de la modernité selon Heidegger: la représentation. URL: <https://journals.openedition.org/appareil/972>
- Kang J.** Walter Benjamin and the Media. *Polity*, 2014.

- Leonelli S.** Data-Centric Biology: A Philosophical Study. Chicago, Uni. of Chicago Press, 2016.
- Pris I. E.** Dostizheniya i aktualnyye problemy sovremennoy analiticheskoy epistemologii. Intervyu S Dunkanom Pritchardom [Achievements and top problems of modern analytical epistemology. Interview with Duncan Pritchard]. *Siberian Philosophical Journal*, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 153–166. (in Russ.)
- Pris I. E.** Empiricheskie dannye bez teoreticheskoy nagruzki [Empirical data without theory load]. *Filosofskie issledovaniya* (Minsk), 2021, no. 8, pp. 76–88. (in Russ.)
- Pris I. E.** Kontekstualnost ontologii i sovremennaya fizika [Contextuality of ontology and contemporary physics]. St. Petersburg, Aleteyya, 2020. (in Russ.)
- Pris I. E.** Razumnyy relyativizm, epistemologiya dobrodetey i kontekstualnyy realizm [Sensible relativism, virtue epistemology, and contextual realism]. *Filosofiya nauki*, 2020, vol. 86, no. 3, pp. 15–48. (in Russ.)
- Pris I. E.** Sotsialnaya realnost – “kvantovaya” realnost [Social reality is “quantum” reality]. *Dialog*, 2020, no. 2, pp. 8–11. (in Russ.)
- Pritchard D.** Good News, Bad News, Fake News. In: Bernecker S., Flowerre A., Grundman T. (eds.). *The Epistemology of Fake News*. Oxford UP, 2021.
- Thomas-Fogiel I.** Un monde pour nous ou un monde pour personne? Corrélationisme et réalisme Recension du livre de M. Bitbol: Maintenant la finitude, Peut-on Penser l’Absolu? Paris, Flammarion, 2019.
- Williamson T.** Acting on Knowledge. In: Carter J. A., Gordon E., Jarvis B. (eds.). *Knowledge-First*. Oxford UP, 2017, pp. 163–181.
- Williamson T.** Morally loaded cases in philosophy. *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, 2019, vol. 93, pp. 159–172.
- Zeilinger A. A.** A foundational principle for quantum mechanics. *Foundations of physics*, 1999, vol. 29, no. 4, pp. 631–643.

Информация об авторе

Игорь Евгеньевич Прись, доктор философии (PhD), кандидат физико-математических наук

Information about the Author

Igor E. Pris, PhD, Candidate of Sciences (Physics and Mathematics)

Статья поступила в редакцию 29.04.2021;
одобрена после рецензирования 24.05.2021; принята к публикации 24.05.2021
The article was submitted 29.04.2021;
approved after reviewing 24.05.2021; accepted for publication 24.05.2021